

УДК 811.161.1'282.2; 821.162.1
ББК Ш1; Ш6

Л. А. Савелова
г. Северодвинск, Россия

Элементы северной русской речи в тексте книги М. Вилька «Волок»

В статье анализируется книга М. Вилька «Волок». Рассматриваются языковые единицы, которые структурируют крестьянский вариант русской речи, в частности – наименования специфических реалий быта и природы, народная терминология, остаточные явления из сферы фольклора и суеверий. Подчеркивается, что употребление маркеров живой народной речи подчинено двум стратегиям текстообразования: 1) обеспечение глобальной связности текста и актуализация разных компонентов его смысловой структуры; 2) использование в непосредственном взаимодействии на уровне локальной связности текста.

Ключевые слова: М. Вильк, русский Север, диалект, стратегия текстообразования.

L. A. Savelova
Severodvinsk, Russia

The Elements of the Northern Russian Speech in the Text of *Portage* by M. Vilks

The paper presents the analysis of the book *Portage* by M. Vilks. We consider the linguistic units that structure the peasant variant of Russian speech, particularly the names of specific realities of life and nature, folk terminology, residuals from the sphere of folklore and superstitions. The author emphasizes that the use of live traditional speech markers is subjected to two strategies of text generation: 1) ensuring the global coherence of the text and updating different components of its semantic structure, and 2) the use of a direct interaction at the level of local text coherence.

Keywords: M. Vilks, the Russian North, dialect, strategy of text generation

В книге М. Вилька «Волок» (2005), переведённой с польского языка на русский в 2008 г., представлен взгляд на русский Север нашего современника, человека, воспитанного в условиях родственной, но все же иной культуры и прожившего много лет в северной российской глубинке. Этот взгляд нельзя однозначно определить как «взгляд со стороны» или «взгляд изнутри» (как того требует, к примеру, включённое наблюдение – одна из методик социолингвистики). Точнее, пожалуй, было бы назвать его «взглядом в контексте» – истории, культуры, социума.

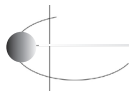
Нам представляется интересным с лингвистической точки зрения понаблюдать, как репрезентируется речевой пласт культуры обитателя северной российской глубинки в переводном варианте книги «Волок», какими своими гранями северная речь входит в её текст.

Слово *волок*, выполняющее функцию заглавия, обладает высокой культурологической значимостью, вектор которой задаётся исторической перспективой и функционально-территориальными ограничениями в употреблении данного слова. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что в русском языке слово *волок* является диалектным, и как элемент народной речи оно до сих пор характеризуется активностью употребления, то есть принадлежит актуальной части народного лексикона. Об этом в совокупности свидетельствуют и данные диалектных слова-

рей, и результаты экспедиционного обследования населённых пунктов. Так, в материалах «Архангельского областного словаря» это слово отмечено в различных значениях для всех районов Архангельской области: 1) «дорога, обычно лесная, между двумя населёнными пунктами, находящимися на значительном расстоянии друг от друга»; 2) «лес, лесной массив, прилегающий к дороге»; 3) «место, территория, находящаяся за пределами данного населённого пункта, его ближайших окрестностей»; 4) «отрезок пути, расстояние между двумя населёнными пунктами»; 5) «направленные пути, движения»; 6) пребывание в пути, поездка, пеший переход»; 7) «просека, дорога в лесу, предназначенная для вывоза заготовленного леса, сена»; 8) «вытаскивание» и др. (всего 14 номерных значений) [1, вып. 5, с. 42–45].

СРНГ показывает распространение этого слова в разных его значениях, кроме архангельских, во многих других русских говорах – в вологодских, вятских, новгородских, костромских, пермских, тобольских, тверских, псковских, ярославских и др. [6, вып. 5, с. 49–51].

Анализ семантических признаков слова *волок* (включая этимологические) свидетельствует об амбивалентности его пространственного значения: это и ‘место’ (‘локус’) и ‘путь’. Определяющим смыслом для прозы М. Вилька, рассматриваемой в свете её ключевых образов и содержательно-концептуальных доминант, является ‘путь’. Ср.:

«по воле автора слово-образ “тропа” становится в “северной прозе” сквозным лейтмотивом, обладающим множеством символично-смысловых граней» [5, с. 67]. Вероятно, он усложняется этимологически выводимым семантическим признаком – ‘преодоление’ (см. историко-этимологический комментарий к слову *влечь* в [7, I, с. 157]). Основания для такого заключения дают рассуждения самого автора: «Проволокись Братковский сам через пару волоков – по вязким топям и обманчивым болотам – понял бы абсурд свой идеи: волы в этих болотах нонсенс» [3, с. 38]; «Дальше волок: семьдесят верст до Пудожа по дороге, которой если проедешь, то поймешь – что имели в виду редкие путешественники по Карелии, писавшие что дорог тут нет» [3, с. 197] и др.

Определяя «русский Север» как «особый этнокультурный регион», М. Вильк указывает, что «до самой революции (а некоторые утверждают, что и по сей день) сохранились здесь в более чистой форме, чем где бы то ни было в империи, остатки старинного русского быта – крупницы русского мира» [3, с. 29]. К таким «крупницам» можно отнести и народную русскую речь, весьма немногословно, но довольно ярко представленную в дневниковой прозе М. Вилька: «XVIII и XIX столетия законсервировали русский Север – и речь его, и обычаи. К примеру, иные слова, которые можно найти лишь в литературных памятниках Древней Руси, живы тут и по сей день. Здесь сохранились, хоть и в выродившейся форме, традиции русского мира и старая вера, здесь вяжут сети на старый манер, а старухи помнят строфы древних былин. Потому что XX век – якобы век прогресса – на самом деле закрыл русский Север. Будто зону» [3, с. 34–35].

Элементы севернорусской народной речи, носителями которой являются прежде всего жители села, крестьяне, органично вплетаются в ткань авторского повествования. Они воспринимаются одновременно и как знаки культурного кода (в отношении русского Севера), и как знаки авторской модальности, ценностной составляющей содержания текста.

Всё это вписывается в более широкий контекст языковой рефлексии автора, который обращается к проблемам языковой щепетильности и корректности, точности перевода в соответствии с духом языка, соотносённости сферы языка с ментальной и бытовой почвой, «жизни» языка, его архаике, а также к народной речи: «Согласно Далю, русский дух живёт в русском языке не в салонах, где его латинская грамматика умертвила, а в глубинке – там слышна живая мужицкая речь» [3, с. 47–48]; «Кое-кто упрекает меня в использовании архаизмов, слов, давно вышедших из употребления, диалектизмов и тому подобного <...> Уди-

вительно, что упрёки эти появляются во времена постмодернизма с его модой на игры с прошлым и эксплуатацию традиций – стилизации, пародии, маски. Однако в моём случае это не игра, не пастиш. А скорее сознательное возрождение слов, некогда вытесненных или преданных забвению» [3, с. 62].

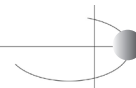
В тексте книги находит отражение многослойность народной речи (это её свойство, кстати сказать, не всегда получает всестороннюю характеристику в научных описаниях территориальных диалектов). В частности, в «Волоке» наблюдается взаимодействие нескольких пластов языковых единиц из числа тех, которые структурируют народный (крестьянский) вариант речи – это наименования специфических реалий быта и природы, народная терминология, топонимика, просторечные элементы организации фразы, ругань (обценный слой), мифопоэтическая составляющая, связанная прежде всего с остаточными явлениями из сферы фольклора и суеверий.

Обозначенные языковые средства выступают маркерами живой народной речи. Их употребление в книге «Волок» подчинено двум разным стратегиям текстообразования. Первая заключается в том, что будучи рассредоточенными по тексту, они обеспечивают его глобальную связность и появляются в связи с актуализацией разных компонентов его смысловой структуры. Например, давая представление о поморах, автор использует показательные вкрапления народно-речевого характера: *Суровый климат их закалил, ветра вытравили, компас они называли «матерью», море – «дорогой», и мерили его днями, не вёрстами, ходили против солнца до самой Оби – реки великой, и до Мангазеи* [3, с. 33].

Описанию реалий, показательных для северной природы и образа жизни людей в этих краях, в тексте отводится в целом значительное место, но одним из них посвящены специальные разделы (например, «Чага», «Что касается «клюквы»», Калган), другие поясняются с помощью попутных замечаний: *Под вечер, как спадет межень («меженью» называют здесь июльский зной, когда температура поднимается выше двадцати пяти градусов) и немного посвежеет, можно пройтись по Каргополю...* [3, с. 163].

Из народной терминологии разнообразнее всего представлена строительная и морская. Примечательно, что специальные понятия выступают средством особой поэтизации текста:

(а) *Строительство начинали на Успение Богоматери. Сруб, прежде называвшийся «стой», складывали из венцов, которые вязали «в чащу», то есть так, чтобы концы брёвен торчали по углам, что предохраняло от промерзания, пазы выбирали понизу, чтобы стены водой не*

пропитывались, здание покрывали крышей «самцовой конструкции» (до сих пор используемой на Севере), то есть в брёвна, венчающие треугольниками дом, врубали длинные слезы, на которые с обеих сторон нашивали тёс, верхние его концы накрывали тяжёлой жердью (*шеломом*), а нижние опускали в ручей – своего рода водосток. Чтобы выступы слез не гнили, их прикрывали доской, украшенной причудливой резьбой, так называемой «*причелиной*» [3, с. 143];

(б) Бабе, как ни старайся, ни в жизнь не угодишь, а яхта... С яхтой проще... Как себе сошьёшь, так и поживёшь. Важно, чтобы она ветер чувствовала, как женка мужика. Вот представь, идёшь на Север... Если дует *летний* (южный) или *обедник* (юго-западный) – оба с кормы – полетишь, словно у яхты крылья вырастают, *сток* (западный) её моментально накренил, и заскользишь на бок, *побережник* (северо-западный) или *полуножник* (северо-восточный) задувают в морду, тут уж только галсами. А *марину* лучше переждать в какой-нибудь бухточке. *Мариной* Вася именуется и *морянку* (северный ветер), и свою жену [3, с. 88–89].

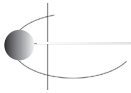
Знания, объективируемые данными словами со специальным значением, постепенно утрачиваются, на это указывает и автор «Волока»: «(кто из россиян знает сегодня, чем отличается сруб «в чашу» от сруба «в лапу»?)» [3, с. 135]. Названия ветров, частей дома, строительных конструкций известны людям, которые связаны с данными реалиями по роду занятий, а для других это знание неактуальное, потому часто фрагментарное.

Одна из составляющих культуры сельского общения – это её традиционность, которая, с одной стороны, обеспечивает сохранность архаических элементов в диалектной речи, а с другой стороны – актуализирует связь языка и мировидения и проявляется, в частности, в фольклоре, народной афористике, приметах и т. п. Территориальные варианты языка неоднородны в функциональном плане; так, Л. И. Баранникова предлагает выделять в пределах диалектной речи три такие разновидности: «а) разговорно-бытовую речь, б) народно-поэтическую речь, в) элементы публичной речи» [2, с. 180]. В прозе М. Вилька находим вариант художественного воплощения этой функциональной сложности и неоднородности сельского общения. Он вводит в повествование элементы обычаев, обрядов (в их трансформированном, осовремененном виде), фольклорных текстов, поверий: *Бражку принес Васильч – «на посошок». По-нашему – «на стременного». В Польше путешествовали верхом, отсюда в прощальном тосте звон «стремян», в России же посох «обмывали» на дорожку* [3, с. 66]; *Васильч говорит, что начиная с Ивана Купалы и до святых Петра и Павла*

режут берёзовые ветки на веники. Нас как раз не будет [3, с. 66]; – *Гроза в начале пути – хорошая примета, – говорит Вася* [3, с. 67]; *Большую роль при выборе дерева играли суеверия. Запрещалось рубить деревья «святые» и «проклятые» (к несчастью), избегали деревьев старых* [3, с. 142]; *Есть такая местная поговорка: «Берёшь из Киж и с нею спишь». Но она не пожелала* [3, с. 149]; *На кладбище я оказался свидетелем необычного, отчасти православного, отчасти языческого обряда. Баба Клава накрошила на землю крошек для птиц-душ, покормила кладбищенского пса, Ивану налила водки в стакан, после чего мы сами присели на скамеечку, выпили по сто грамм и закусили* [3, с. 171].

Еще одна стратегия вовлечения рассматриваемых языковых средств (маркеров живой народной речи) в структуру текста состоит в их использовании в непосредственном взаимодействии на уровне локальной связности текста, в условиях относительно узкого контекста. Например – в портретно-речевых зарисовках, посвящённых уроженцам каргопольской деревни Харлушино: Васильчу – Александру Васильевичу Костину, Бабе Клаве – его сестре, Анне Павловне – его учительнице. Речь героев проникает в авторскую, она имеет типичную для бытового общения синтаксическую организацию, включает традиционно-поэтические элементы, соответствует народным представлениям об обычаях и порядке.

Покажем взаимодействие различных элементов сельского общения в речи одного лица на примере речевых характеристик бабы Клавы: *Сидим на кухне у бабы Клавы. Сестра Васильча говорит на чудесном каргопольском наречии, например: «А мне всяко однако». Москвич бы сказал: «А мне всё равно»; Не успели мы познакомиться, она сообщает, что у неё все готово для пути на тот свет – *подорожник*, саван и платье – осталось только пуговицы пришить. Даже тридцать тысяч рублей собрала. – На *памятник своей души*, – так она выразилась; Баба Клава любит хорошо заваренный чай. Масло покупает только вологодское, карамельки «Красный октябрь», чай обязательно китайский, колбасу можно нядомскую; Баба Клава всё бормочет что-то под нос (прямо как Ленин в «Тельце»), порой я улавливаю целые фразы, вот, например: – *Временечко идёт, все ближе и ближе до смерти. Чаще, однако, долетают до меня отдельные слова. – Баба Клава, что значит «махомалка»? – Махомалкой может быть капуста, а может – человек. Полцарства и коня в придачу тому, кто мне объяснит, о чём речь; Кстати. Однажды вечером баба Клава заметила, что белые ночи подходят к концу. А когда конец? На Ильин день. После него белого коня ночью в поле не разглядишь; И бельё из шкафа**

в сарае перенесла, бельё тоже газом *отдаёт* [3, с. 161–163]. Автор передаёт и морфолого-семантические (*всяко однако, временечко*), и лексико-семантические (*подорожник, махомалка, отдаёт*), и дискурсивные (какие продукты лучше покупать, десемантизация слова *памятник*, замещающего первый компонент в речевой формуле *на помин души*, установленный порядок) особенности сельского общения, избирательно сопровождая их комментарием. Вместе с изображением поступков, внешних признаков речевые характеристики становятся весьма значимыми для проникновения в суть наивной философии, уяснения системы ценностей северян. Это особенно показательно в контексте рассуждений автора о стихии языка.

В собирательном образе жителя северной российской глубинки, в его речевом портрете в прозе М. Вилька своё место занимает и грубая бранная речь, обсценизмы. В книге «Волок» речевой слой мата – отчасти воспроизводится в безоценочном контексте, отчасти изображается косвенно через упоминание самого факта сквернословия: – *Какая задница, бя, с яхтой сравнится* [3, с. 88]; *Воспользовавшись случаем, заговариваю со сторожем базы, он один здесь трезвый. Старик клянет «шило», мужиков, а заодно и Ельцина. Когда-то за прогул в Лесную Речку ссылали и там приканчивали. Неудивительно, что люди боялись. А теперь – тьфу, мать твою. Никто ничего не делает, Канал в запустении, того и гляди ряской порастёт* [3, с. 105].

Использование элементов народной речи в прозе Вилька – это прежде всего результат эстетически переосмысленного употребления данных единиц, в тексте они проживают иную, нежели в

повседневном общении, жизнь, выполняют иной набор функций, подвергаются смысловым преобразованиям. Подчеркнём, однако, что мы воздерживаемся от сравнения эстетически переосмысленного варианта народной речи и её конкретных территориальных вариантов. Ср. иной подход к литературным текстам, в которых употребляются диалектизмы: «Вводя диалектные особенности в речь персонажей произведения – крестьян – и создавая тем самым речевую характеристику героев описываемых событий, писатель не должен упускать из виду, что такая характеристика должна соответствовать образу персонажа как представителя населения, живущего на определённой территории и пользующегося в повседневной жизни местным говором. Она должна соответствовать и территории, на которой происходит действие, и тому диалекту или говору, который на данной территории расположен. Иначе говоря, отражая диалектные особенности в речи персонажей-крестьян, писатель должен отдавать себе отчёт, какие диалектные черты этому персонажу могут быть приписаны, т. е. иметь представление о территориальном распределении основных русских диалектных явлений» [4, с. 469–470]. Здесь, как нам кажется, постулируется сугубо формальный и во многом механистичный подход к созданию текста.

Словесные вкрапления, фрагменты речи обитателей северной российской глубинки в рассматриваемой книге, характеризующейся особым типом повествования, относятся к числу важных смысловых скреп текста, способствуют художественному воплощению некоего культурного инварианта, имеющего различные проявления, в том числе речевые.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–13. М., 1980–2010.
2. Баранникова Л. И. Общее и русское языкознание: Избранные работы / сост. В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова. М.: КомКнига, 2005. 256 с.
3. Вильк М. Волок / пер. с польск. И. Адельгейм. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 248 с.
4. Иванов В. В. Диалектная речь в художественном тексте (к постановке проблемы) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII) / Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2004. С. 459–471.
5. Лошакова Т. В. Русский Север в книге «Волок» Мариуша Вилька // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. Архангельск, 2010. С. 65–71.
6. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина; Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–41. М. – Л.: Наука, 1965–2007.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык – Медиа, 2004.

Рукопись поступила в редакцию 15. 07. 2011.